

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII ВВ. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

Г. Альгази

ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ 244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

Ю.Ф. Игина

МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ
И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ 280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

К.А. Левинсон

“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ
ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ 322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

А.В. Бусыгин

МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ
ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ
В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ 362

М.Ю. Зенченко

ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО
ВЕРСИИ 384

РОССИЯ: QUO VADIS?

Б.В. Дубин

МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ
2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА? 428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

Г.В. Бондаренко

КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА 448

РЕЦЕНЗИИ

М.Н. Соколов

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО
ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ
*А.М. Лидов. Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы
в византийской культуре. М., 2009 464*

Т.М. Васильева

GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ... 474

А.Б. Герштейн

СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ
ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIÉVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIÉVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

- ¹⁷ Там же. С. 157. Представляется, что в слове “образ-парадигма” род должен по правилам определяться все-таки основным словом, а это, как следует из словоупотребления в книге, все-таки “образ”, а не “парадигма”. См., например, *Розенталь Д.Э.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 2006. С. 264. § 185, п. 5; С. 276. § 192, п. 5.
- ¹⁸ *Лидов А.М.* Указ. соч. С. 211–225.
- ¹⁹ Там же. С. 223.
- ²⁰ См., например: Там же. С. 118, 129, 130.
- ²¹ Там же. С. 227–259.
- ²² Там же. С. 131.
- ²³ См., например: Там же. С. 251.
- ²⁴ То, что написано до разработки теории иеротопии, выгодно отличается отсутствием дополнительной теоретической части, но не менее интересно по существу, например, статья “Чудотворные иконы Софии Константинопольской” (см.: Там же. С. 163–209).

А.Б. Герштейн

СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА”
МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ
И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауоров, А.В. Марей. М., 2012. 944 с.

Вышло в свет издание, объединившее под одной обложкой латинский текст “Вестготской правды”, ее перевод на русский язык и исследовательские статьи по истории Испании VI–VIII вв. Это – знаковое событие в медиевистической историографии сразу в нескольких отношениях.

Впервые в отечественной историографии “*Liber iudicorum*” полностью переведена на русский язык с комментариями. Это второе (после “Салической правды”) издание, которое делает возможным основательное знакомство русскоязычных читателей с обществом и правом варварских королевств. Настоящее издание не имеет аналогов по полноте, поскольку в нем также целиком опубликован текст источника на языке оригинала.

Проблема смены эпох всегда привлекала внимание исследователей. Предметом особого интереса в мировой исторической науке был и остается переход от Античности к Средневековью, континуитет политико-правовых и интеллектуальных традиций греко-римской цивилизации или их дисконтинуитет. “Вестгот-

ская правда”, как показано в ряде статей, предворяющих публикацию, является своеобразным “мостом” между постклассическим периодом римского права и временем его активной рецепции в Средневековье и раннее Новое время¹. Поэтому, несомненно, выигрышным вариантом было издание параллельно латинского текста и русского перевода “Книги приговоров”. Так читатель сможет увидеть следы античного культурного влияния в собственно содержании “*Lex visigothorum*” и особенностях ее оформления. А также – оценить стилистические особенности памятника, ведь они в определенной степени заимствованы из авторитетных юридических и религиозных текстов.

Издание включает в себя: исследовательские статьи, латинский текст “Вестготской правды”, комментированный перевод источника на русский язык, указатель основных юридических терминов, библиографию, 4 приложения².

Особую ценность издания, помимо фундаментального труда по переводу 12 книг “*Lex visigothorum*” представляют статьи международного коллектива специалистов. Исследования историков и историков права из России, Испании и Израиля помещают текст “Вестготской правды” в политико-правовой, интеллектуальный и социокультурный контекст периода составления законов (V–VII вв.) и их бытования в следующие столетия.

Выделенные О.В. Аурувым причины кодификации законов вестготских королей³ заставляют увидеть “Книгу приговоров” как источник по истории права, в котором нашли отражение сложные социокультурные, политические процессы, идеологические стратегии власти, имевшие место в Вестготском королевстве в VI–VIII вв. – т.е. те характеристики состояния развития общества и государства, которые имеют свою специфику в конкретный исторический период, и в то же время являются общими для любого средневекового государства. Одной из основных является рефлексия представителей политической и интеллектуальной элиты о континуитете/дисконтинуитете с античной цивилизацией. Действительно, по тексту “*Liber iudicorum*” видно, что в Вестготском королевстве сохранился высокий уровень правовой теории; заметно и влияние идей Исидора Севильского, в частности, его стремление сохранить в современном ему обществе осознание преемственности с античным прошлым. Сознательное обращение к римскому наследию при построении идеологического концепта легитимности власти правителя также отражено в источнике. Таким образом, кодификация законов вестготских королей в сере-

дине VII в. предстает далеко не только как регламент правовых отношений и судопроизводства – но и как манифест, закрепляющий в праве образ королевской власти в новой, “постантической” системе политических, религиозных и социальных реалий.

Положение различных этносоциальных групп, их права и взаимоотношения также являются одним из основных объектов изучения при анализе памятников права. Авторский коллектив издания уделил пристальное внимание этой проблематике. Так, в очерке “Общество в королевстве вестготов” О.В. Ауров прослеживает эволюцию от четкого разделения общества вестготского королевства на испано-римлян (отродоксов) и варваров-готов (ариан) к их постепенному слиянию (с всеобщим признанием Никейского символа веры в 589 г.) в единую социально-политическую элиту, что наглядно отражено и в законодательстве вестготских королей. Право в этом смысле является для короля способом конструирования реальности, претворением в жизнь реформ и в то же время свидетельством их эффективности (или неэффективности), и косвенным отражением интересов и влияния знати и различных социальных слоев вестготского королевства.

Взаимоотношениям арианской и ортодоксальной Церквей в вестготском королевстве посвящено исследование И.А. Копылова⁴. Признавая скудость источниковой базы в вопросе истории арианства в Вестготской Испании, автор, привлекая материалы по истории Вандальского королевства, реконструирует развитие институтов арианской церкви, особенности ее сосуществования с приверженцами ортодоксального христианства и с властями придерживающимися. Так, автор констатирует, что арианские епископы, в отличие от ортодоксальных, не имели тесной связи с городом (с. 187), поэтому в источниках чаще говорится о епископах народа или области. Этим же объясняется и наличие совета арианских епископов при короле. В дальнейшем ариане переняли иерархию, принятую в ортодоксальной церкви. И.А. Копылов объясняет это стремлением конкурировать с приверженцами Никейского символа веры и вытеснить их с занимаемых позиций. Естественным следствием создания в арианской Церкви институтов по образцу ортодоксальной стало сближение двух ветвей христианской религии.

Важной исследовательской проблемой является отношение королевской власти к институту арианской и ортодоксальной Церкви. Очевидной представляется установка вандальских и вестготских королей рассматривать религию как форму социально-

политической связи, как способ объединения различных этносов под началом короля в одно государство. Сначала в качестве таковой рассматривалось арианство, затем выбор был сделан в пользу ортодоксального христианства.

Названное стремление вестготских королей консолидировать общество можно проследить и на законодательстве в отношении еще одной религиозной и социально обособленной группы – еврейской общины вестготского королевства. Есть свидетельства о пребывании евреев на Пиренейском полуострове еще в I в. н.э., т.е. примерно за три века до появления там готов.

XII книга “Вестготской правды” полностью посвящена регламентации жизни иудеев. Хотя она и называется “Об устранении притеснений и обо всех искорененных еретических течениях”⁵, этим термином наделяется только иудаизм. Л.В. Чернина в своей статье⁶ показывает, что “более или менее последовательная антииудейская политика начинает внедряться вестготскими королями именно после отказа правителя от арианства и обращения в католицизм” (с. 156). Среди комплекса причин, по которым вестготские короли ограничивали евреев в отправлении иудейских обрядов, налагали имущественные и социальные ограничения, приговаривали к изгнанию или смерти, Л.В. Чернина выделяет стремление правителей объединить всех своих подданных в единое христианское общество, которым управляет светская власть в союзе с Церковью (с. 163). Для интеллектуальной и одновременно религиозной элиты Вестготского королевства⁷, которая создала соответствующую идеологическую программу, исповедующие иудаизм не вписывались в построенную схему, выступали “предателями” “нерушимого единства теократической власти” (с. 159). Здесь же автор делает важную оговорку: эта борьба с неверными не носила антисемитского характера. Евреи, перешедшие в христианство, принимались как полноправные члены общества и обладали всеми правами и обязанностями наравне с христианами (с. 170).

Расхождения в писаных нормах закона и их практическом исполнении – один из важных вопросов при изучении памятников права. Л.В. Чернина касается и этой темы, отмечая, что частные повторения запретов говорят о низкой эффективности обнародованных мер, выделяя, в частности, пассивное, а иногда и активное противодействие знати королевским законам.

В отношении к евреям проявляется единство одних и противоположные другие общественных групп вестготского королевства.

Также видно, что гонения на иудеев были вызваны идеологическими и политическими причинами, а покровительство – экономическими.

Закон преследовал, впрочем, и представителя любого социального статуса, если было совершено преступление. Право убежища, закрепленное в “Вестготской правде”, определенным образом отражает отношения между Церковью и вестготской монархией и показывает, как функционировали источники права в позднюю Античность и Раннее Средневековье. Э. Осаба в своей статье указывает на наличие религиозных и правовых основ возникновения института убежища. Это разделение было не только теоретическим: фактически, предоставляя убежище осужденному, Церковь вмешивалась в пеницитарную политику государства, препятствовала ей (с. 189–190). Таким образом, право убежища было, потенциально или в реальности, еще одним полем противостояния светской и духовной власти. Власть Церкви проявлялась также и в том, что ей принадлежала функция посредника между светской властью и преступником (в том числе предателем или врагом короля); она определяла порядок выдачи укрывающегося в святом месте, настояв прежде на прощении и отвратив тем самым от провинившегося смертную казнь как наказание. Это в свою очередь давало Церкви возможность получить еще большую власть.

Разделение между частным и публичным правом, гражданским и уголовным, как представляется А.В. Марей⁸, можно было бы провести, рассмотрев институт деликта в тексте “Вестготской правды” (с. 136). Наличие или отсутствие деления правонарушений на частные и публичные связано с определенным уровнем развития правовой культуры и признанием определенного уровня автономии личности. А.В. Марей приходит к выводу о том, что невозможно провести грань между частным и публичным правонарушением в вестготском праве на основе лексикографического анализа источника. Так же как и различить цивильно-правовую и уголовно-правовую формы процесса (с. 141). Ниже автор делает вывод о том, что все право вестготского королевства было публичным, поскольку вестготские юристы “не мыслили личность как основу своей правовой системы” (с. 150). А.В. Марей ставит под сомнение правомерность определения “Вестготской правды” как памятника рецепции римского права на том основании, что создатели свода не позаимствовали одно из самых главных достижений римского права – его систему (с. 142).

Этот вывод требует дополнительных уточнений, поскольку в ряде других статей издания неоднократно говорится об элементах преемственности вестготского права с постклассической правовой традицией. Более того, анализируя готские нотариальные формулы, К. Петит⁹ приходит к выводу о наличии в VII в. на Пиренеях культурно развитого общества. По формулярам видно, что их авторы хорошо знали библейские тексты и сочинения отцов Церкви, в отдельном случае – также и латинскую метрику (с. 228). Автор видит в стилистических и формальных атрибутах составления нотариальных формул позднеримскую традицию (с. 228). Однако не только ее.

К. Петит также уделяет внимание стилистике вестготского законодательства¹⁰. Отмечая развитую структуру текста закона Речесвинта, частоту двучленных формул, автор статьи констатирует применение синонимии и антитезы, аллитерации и анафоры в качестве риторических средств (с. 234). Читателя “Одиссея” заинтересует семантически сложное использование метафоры¹¹: сам закон Речесвинта представляется как лекарство, которым умело пользуется король¹². Эта метафора продолжается антитезой: король “лечит” сразу “два зла” – т.е. признает ничтожными те решения судей, которые были заключены из *страха* перед королевской властью или по ее *приказу* (с. 234)¹³. Таким образом, видно, что риторические приемы играют в нормативном тексте практическую функцию – они призваны укрепить действенность закона, изданного королем.

Усложнение структуры документов светских правителей прямо соотносится с присутствием людей Церкви при дворе короля, с возрастающей ролью Церкви в делах государства, что сказалось, в том числе, на сближении языка соборных постановлений с лексикой текстов королевской канцелярии (с. 235).

С тематикой “Одиссея-2003: Язык Библии в нарративе” переключается анализ роли Священного писания в законотворческой деятельности вестготских королей. На конкретных примерах К. Петит показывает, как цитаты из Псалтыри или пророков придают авторитет изданным законам. Священное писание являлось своеобразным кодексом и “неистошимым хранилищем”, откуда заимствовались слова, фразы, риторические фигуры, и как они служили для построения торжественных вступлений и изложений законов (с. 236–242).

Нельзя не сказать о том, что осмысление реальности через топосы Священного писания отразилось и в правовых текстах. Так, К. Петит показывает, как, имея базой библейские тексты,

представления о скором конце света влияют на законотворчество. Ярче всего это проявилось в антииудейском законодательстве.

Также связь фигур короля, закона, Священного писания сформировало образ короля-законодателя как посредника между вневременной (божественной) справедливостью и преходящим людским искажением небесного порядка. Король, публикуя законы и следя за их неукоснительным исполнением, восстанавливает божественную справедливость. Этим идеям была уготована долгая жизнь: они проявятся и в ряде законодательных памятников Классического Средневековья и раннего Нового времени.

О распространении положений “Вестготской правды” в последующие столетия можно получить представление из очерка Г.А. Поповой¹⁴. В нем читатель найдет сведения о существующих изданиях “Книги приговоров”, описание 40 известных на сегодняшний день рукописей “*Liber iudicorum*”, с характеристикой места и времени создания, материала, особенностей оформления. Географический ареал распространения списков в VIII–XIII вв. дает информацию о правоприменении свода законов, особенностях этого процесса в разных областях Пиренейского полуострова. Также, видя изменения состава кодексов, читатель имеет возможность проследить характер эволюции традиции вестготского законодательства (с. 115). Кроме того, определенную ценность представляли не только собственно правовые положения свода. Тот текст, который не соотносился с текущей правовой практикой, мог выступать как образец стиля, формул для документов или источником общих идей (с. 131). Хорошим дополнением к тщательной работе по описанию и систематизации описаний рукописей могли бы стать карты, которые более наглядно позволили бы оценить ареал распространения текста “Вестготской правды” и разнообразия мест современного хранения этих рукописей.

Опубликованные статьи посвящены как общей проблематике по истории Испании соответствующего периода, так и частным вопросам. Некоторые сюжеты статей неизбежно перекликаются, что, с одной стороны, говорит о широком тематическом охвате исследований, но, с другой стороны, порождает повторы, которых, впрочем, сложно было совсем избежать в столь масштабном труде. Несомненным плюсом является общее для многих статей сравнение вестготских источников с материалами по истории других варварских королевств – вандальского, лангобардского, франкского. Подобное сопоставление помещает историю вестготов и “*Liber iudicorum*” в общеевропейский правовой и социкультурный контекст.

В целом, настоящее издание ценно не только введением в оборот в отечественной историографии важного источника по истории права раннего Средневековья и изданием латинского текста памятника. Едва ли не более значимым представляется собранный под одной обложкой комплекс исследований по истории Испании V–VIII вв. Авторам и редакторам издания удалось главное – воссоздать социокультурный, политико-правовой и исторический контекст публикуемого источника. Благодаря этим исследованиям “Вестготская правда” раскроется перед читателем как многослойный текст, где видно, как стремительно меняются реалии и как сохраняются традиции.

- ¹ *Ауров О.В.* Предисловие // Вестготская правда (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012. С. 12.
- ² Латинский текст и перевод переписки Баулиона Сарагосского и короля Ресесвинта; хронологические таблицы, публикацию и перевод вступительного титула “Вестготской правды”, сводную таблицу сведений о рукописях “Вестготской правды”.
- ³ См.: *Ауров О.В.* Вестготская правда (Книга приговоров): причины, источники и основные этапы истории кодификации // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 96–107, особенно 96, 102–103.
- ⁴ См.: *Копылов И.А.* Арианская Церковь в королевстве Вестготов // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 173–187.
- ⁵ “Liber duodecimus: De removendis pressuris et omnium ereticorum sectis extinctis” // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 438–468.
- ⁶ *Чернина Л.В.* Евреи в Вестготском королевстве // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 152–170.
- ⁷ В первую очередь – Исидор Севильский, Браулион Сарагосский, Юлиан Толедский.
- ⁸ *Марей А.В.* Уголовное и гражданское право в “Вестготской правде” (“Книге приговоров”) // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 134–151.
- ⁹ См.: *Петит К.* К вопросу о правовой практике юга Пиренейского полуострова // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 222–229.
- ¹⁰ *Петит К.* Вестготское право VII века: попытка синтеза и интерпретации // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 229–242.
- ¹¹ См.: *Одиссей.* Человек в истории: История как игра метафор. Метафоры истории, общества и политики. М., 2007.
- ¹² LI. II. 1,29. Ср.: LI. XII. 2,1. См. об этом также: *Rituals of Power: From Late Antiquity to the Early Middle Ages* / ed. by F. Theuws, J.L. Nelson. Leiden; Boston, 2000. P. 75.
- ¹³ См.: LI. II. 1,27(29). Русский перевод см.: Вестготская правда (Книга приговоров). С. 514.
- ¹⁴ *Попова Г.А.* Вестготская правда (Книга приговоров): рукописная традиция и история издания // Вестготская правда (Книга приговоров). С. 108–133.